

Автограф

Роман Орлов

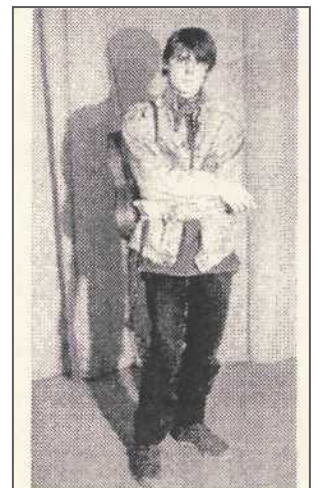

... Давай подарим друг другу
необыкновенные мысли.
Давай убежим из круга
обычных вещей, что кисли
веками на почве рассудка.
Дождями осеннего вида
давай проживем хоть сутки –
Без Лобачевского и Евклида.
Давай возьмем бесконечность
за единицу времени.

94-98

СТРАНА ФИОЛЕТОВЫХ СОСЕН

Он был в состоянии счастья -
упал до самообмана,
предаваясь иллюзии. Страсти
им овладели рьяно.
Он снова начал молиться,
при этом копая могилу.
Он снова начал мочиться
под дерево, что покинул.
Страна фиолетовых сосен,
что мнились когда-то милыми,
ему привиделась осенью,
кровь будоража могилами.

Р. Ф. В. Орлов

Вийон. Верлен.
Бретен. Мишо. Лотреамон.
Джим Моррисон
Джимми Хендрикс.
Бодлер.
Артур Рембо.
В Антихристе Вишес снился.
Сид Баррет, приняв ЛСД,
по красному лесу носился
на белом, как смерть, коне.
В стране фиолетовых сосен.
закон постигая славы,
себя он, как кошку, отбросил
от маленькой страшной правды.
И, продолжая мочиться,
тени крестя знаменьем,
не замечал он, что снится
себе и всем этим елям.

96-98

* * *

Когда вступила ночь в права -
в его окне горел огонь.
Он был - последний воин дня.
Он стал - последний бой.

И музыка вдруг родилась,
когда он бросил вызов сну.
И ночь сдалась... Ему сдалась,
его огню и дню.

Он первым был убит зарей,
но без него - нельзя –
увидеть солнце тем, кто бой
чуть раньше проиграл.

Осталась музыка его...
И - воскресая, каждый пел –
в чужом знакомое свое.
И жить хотел. И - смел.

98

РАСПЯТИЕ

... Как Феникс, возродился вдруг из пепла
мой смех. И я опять живу.
Смерть оказалась дуновеньем ветра.
А ветер стих - я снова вверх иду.

Иду в свой час. В свой дом, где были б строги
к моим остаткам фальши и личин.
Иду - сжигая мусор по дороге,
с причиною - остаться без причин.

Мой генерал, прости мои дерзання...
Смотри же! - как последний твой солдат все

взвесил. И желает только знанья.
Он ради пустоты опять распят.

Замкнулся круг, и - вечность неизменна
И, чтоб сменить уставшее чело,
горит звезда - дежурная - бессменно, -
пока для каждого не рассвело.

12.01.98.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПЛАВАНИЯ

Когда в темноте огонек
приносит с собою цель,
вдруг видишь, как недалек
корабль твой севший на мель.

Рутинные отмели дней!
Я вас избегал всегда, -
мой капитан семь морей
преодолеет в шторма.

Но в море восьмом –
ночь застала его врасплох.
Я рад бы ему помочь,
да сам в мелководье плох.

И капитан тогда, -
а это был разум мой, -
поведал, что ложь шторма,
и все осветил собой.

Я остров увидел - он был
весь как цветущий сад...

Зло и Добро забыв,
я не вернусь назад.

96

Твои руки - белые листы на черных углях.
Ты возрождаешься вновь и вновь.
Несчастные охотники за истиной,
эти убийцы сердца.
Посмотри в свои глаза,
в них нет ничего от этих бедняг.
Кто-то опять смеет тебя рисовать -
твои глаза говорят мне об этом.
Когда ты улыбаешься, они думают о добре,
заблудшие между теменем и пятой,
выдумывающие каждый твой лик,
каждый твой шаг.
Придумать невозможное, вот что они хотят.
Самый маленький,
ты развлекаешь их игрой в прятки.
Они лгут, когда говорят
что слышат где спряталась смерть.
Они не могут этого знать, они сотканы.
Радуйся жизни!

Они не найдут меня,
прежде чем свет не войдет в глаза.
Твои пальцы - всегда мечи и цветы.
- Ты заплатишься, туда нельзя! -
говорит голос природы,
голос их природы.
- Отщепенец! - кричит голос совести,
голос их совести.
- Безумец! - шепчет голос сердца.
- Милый безумец!
Кто встанет на сторону меньшинства?
Ты не забываешь даже вздох.
Отнеси меня на место, - твердит иголка нитке,
а они мечтают о новой одежде.
Долг и мечта - вот связь
прочнее алмазных цепей, - они скованы.
У них много достоинств и один недостаток -
много, очень много сделано,
но всегда что-то остается.
Должок сверлит их умы, настолько холодные,
насколько тепла их любовь к ближнему.
Мораль - тот пластилин
из которого они лепили себе мозги,
требует жертв.
Ты не бросаешь костей голодным псам.
Раб сам находит иллюзию.
- Мир не может быть в состоянии войны, -
твердят они.
Старая игра продолжается.
- Семиликий! Неизречимый! -
ты никого не любишь,
но я люблю тебя, ибо я - это ты.
Когда они это узнали было поздно.
Ты уже убил меня своим благословением.
- Здравствуй!

97-98